

Тори Ру

УСЛЫШЬ
МОЮ
ТИШИНУ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Р82

Пу, Т.

Р82 Услышь мою тишину / Т. Пу. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 382 с.

ISBN 978-5-521-91955-0

« — Привет!

— Привет! Давно не виделись... — пишу я, и он соглашается:

— Да...

Наши ноги в потертых кедах болтаются над мутной водой. На том берегу отрывисто каркает ворона, за преградой из полуветеринарных ветел начинается поле — километры зеленых просторов, за ним шоссе — дорога в большие города. В будущее, в мечты, в жизнь. А на этом берегу есть только тишина. Я и прошлое. И Сорока».

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91955-0

© Пу Т., 2023
© GepArt, оформление, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

М.С.

*«...Я оставлю свой голос, свой вымерший лес —
Свой приют, чтобы чистые руки
увидеть во сне...»*

Я. Дягилева, «Чужой дом» («Домой!», 1989)

Глава 1

Пелена удушающего смога повисла над крышами, кондиционеры гудят, сражаясь с жарой раннего июньского вечера. Летняя веранда кафе заполнена до отказа, официанты не справляются с наплывом посетителей.

Склонив голову, я сосредоточенно изучаю царапины на поверхности деревянного столика, пыль на стенках мутного стакана с едким оранжевым содержимым и жду.

— Чего тебе? — после десяти минут мучительного ожидания наконец раздается знакомый голос. Я напрыгаюсь, но уверенно поднимаю взгляд.

Мама вытирает руки о край фартука, вскользь смотрит на меня, фиксирует внимание на дорожной сумке, притулившейся на свободном стуле, и устало признает:

— Убегашь.

Я киваю:

— Уезжаю.

— А сюда для чего пришла?

Вопрос ставит в тупик, но я быстро прихожу в себя:

— Для того чтобы ты знала: со мной все будет хорошо. Не ищи меня и спи спокойно. — Я транслирую холодное равнодушие, и мама закусывает губу.

— Все сказала? Мне нужно идти.

Прежде чем она отворачивается, я подмечаю седину в выбившейся из-под поварского головного убора пряди, морщины и темные круги вокруг потухших бесцветных глаз.

Я тоже не заинтересована в долгом прощании — напешиваю теплую рукоятку трости, поднимаюсь и взваливаю сумку на плечо.

Не стоило сюда приходить. Мы не общались несколько месяцев, и никто из нас от этого не страдал...

Превозмогая привычное онемение в ноге, я спускаюсь по ступеням и выдвигаюсь в сторону железнодорожного вокзала. До него целая трамвайная остановка, но я иду пешком — медленно, выбиваясь из сил, поправляя сползающую с плеча пудовую сумку, сдувая со лба пропитавшуюся потом челку. Даже сворачиваю в парк, чтобы пройти по знакомым до боли суетливым улицам.

Из матюгальников струится веселая музыка, лавочки в аллее до самого выхода заняты нарядными

Услышь мою тишину

людьми, дети, крича и хохоча, яркими пятнами мелькают в зарослях кустарника, выбегают на дорожки и путаются под ногами. День города во всей красе.

Из обвитой хмелем беседки доносятся звуки аккордеона — парень в костюме мима с разукрашенным лицом улыбается прохожим, прерывает мелодию и машет рукой в белой перчатке милым девушкам, остановившимся его послушать.

Паша...

Опускаю голову и прибавляю шаг — хоть это почти для меня невозможно. Трость глухо стучит по брусчатке.

Когда-то я его знала: он, я и моя сестра представляли собой трио веселых, безбашенных неразлучных друзей.

Но я давно перестала считать общение с людьми полезным навыком.

В душном сумрачном плацкарте забрасываю сумку под сиденье, прислоняю трость к столику и, отодвинув занавесочку, устраиваюсь у окна.

Покачнувшись, поезд лениво трогается с места, разморенный пейзаж, состоящий из серых коробок складов и рядов колючей проволоки над ними, приходит в движение.

Попутчики шуршат пакетами и фольгой, распространяя тошнотворный запах несвежих продуктов,

заводят робкие разговоры, гремят ложками и под-
стаканниками.

Разматываю наушники и отключаю посторонние
звуки, прибавив громкость почти на максимум.

Склады за окном расступаются, оттесняются
перелесками и полями, красный закат сменяется
сумерками и ночной тишиной. Теперь в черном
зеркале окна я вижу лишь свое бледное осунувше-
еся лицо.

Через несколько часов я приеду туда, где ни разу
не бывала моя сестра. Приеду в то единственное
место, где ее не было рядом.

Глава 2

Я умею «слышать тишину» — придумала название для состояния, которое с завидной регулярностью теперь случается со мной. Оно всегда нападает внезапно: миг — и звуки уходят, время замедляется, а реальность смазывается. Ослабевшее зрение пытается продраться к свету сквозь рой радужных мушек, дыхание застревает в горле, паника сдавливает сердце. Я словно прохожу через смерть, снова и снова... Но, очнувшись, обнаруживаю себя здесь. В привычном опостылевшем мире.

В душном плацкарте, храпящем под стук колес.

Сбрасываю простыню, сажусь и, борясь со слепотой, натягиваю кеды.

Это началось после месяца, проведенного между жизнью и смертью в отделении реанимации.

Память сохранила лишь обрывки того мучительного времени — вереницу мутных дней, сонный бег капель, струящихся вниз по прозрачной трубке, обжигающую, одуряющую боль от ожогов и переломов, отупляющее безразличие обезболивающих... И мамыны пустые глаза — бесцветные и чужие.

Хмурая проводница помогает выудить из недр нижней полки сумку и велит мне поторапливаться, провожая к выходу.

Переношу вес на хрупкую трость, с трудом спускаюсь на треснувший асфальт глухого полустанка, и поезд почти сразу трогается с места, оставляя меня одну в бодрящей сырости раннего утра.

Воспоминания о маме воскрешают в полуживой душе сожаления и стыд.

Я трясую головой, отгоняя ненужные эмоции.

Она не будет долго горевать.

Мы никогда не были с ней дружны: мать пахала на трех работах и даже не пыталась наладить контакт, а мы с сестрой тянулись к прекрасному.

Она вечно пилила нас почему зря, особенно доставалось Стасе — за ее легкий нрав, смешливость и «безответственность».

Поэтому, как только позволили финансы, мы собрали пожитки и сбежали «на съемную хату» — в ветхую однушку без горячей воды, где прошли самые лучшие дни моей жизни.

Стася рисовала на заказ, плела из бисера и создавала под маникюрной лампой сказочные украшения из гель-лака, раздобыла у знакомых машинку и оттачивала на мне и Паше мастерство татуировщика.

Феникс, раскинувший непрорисованные крылья на моем бедре, чуть выше бордового, сморщенного прямоугольника, оставшегося от забранной

УСЛЫШЬ МОЮ ТИШИНУ

на предплечья и лоб кожи, — тоже вышел из-под ее руки.

Очень часто наш холодильник был пуст, а ужин состоял из макарон ипельменей, и Паша буквально спасал нас от голодной смерти, тайком таская из дома еду, приготовленную его мамой.

Но мы, несмотря ни на что, были счастливы — пели ночами под гитару, выдумывали номера и образы для Пашиных выступлений, писали контрольные по культурологии для меня, вместе ходили в колледж, а в свободное время лазили по окрестным заброшкам и крышам. Там мы о многом мечтали, лежа на Пашиных плечах и разглядывая огромное вечное небо.

Мы были неразлучны два года. Только практика в колледже искусства и культуры ненадолго разделила нас прошлым летом — Стася бродила по холмам с этюдником, выискивая лучшие места для пленэра, Паша с аккордеоном мотался по сельским клубам, а я, словно легендарный Шурик из фильма, отправилась собирать по дальним районам народный фольклор.

Каждую минуту телефон в кармане взвивался от сообщений общего чата: мы делились новостями, скучали и ныли в мучительном ожидании встречи.

Никто не подозревал тогда, что очень скоро я все разрушу.

Блаженная улыбка слетает с лица — я в миллионный раз осмысливаю ужасающую явь и задыхаюсь.

Тори Ру

Трость оставляет вмятины в грунтовой дороге, солнце выплывает из-за леса, согревая спину.

Миновав заросшее деревенское кладбище, я устремляюсь вперед — к серым стенам, проступающим из тумана, к разноцветной палитре садовых цветов в палисадниках, к жизни. Или...

